

**ВИЛЯТ ГУЛИЕВ**

**ОН ПОЗНАКОМИЛ МИР С ИСЛАМСКИМ ИСКУССТВОМ**

*(Мехмет Ага-Оглу)*

Несмотря на то, что Азербайджанская Демократическая Республика просуществовала всего лишь около двух лет, масштаб и значение работы, проделанной в течение этого короткого времени, создают впечатление, что отцы-основатели Республики десятилетиями готовились к независимости, продумали и взвесили все свои шаги и решения с последовательностью и с удивительной дальновидностью. После трагического падения Республики им удалось не только всю свою жизнь сохранять традиции независимости, но и передать их будущим поколениям.

В противном случае было бы трудно объяснить последовательные, целенаправленные шаги, предпринятые в направлении создания и укрепления национальной государственности и формирования эффективных институтов управления с первых дней существования Республики.

Возможно, обретение национальной независимости можно считать неожиданным благословением судьбы. Однако считать случайностью нахождение в правительстве людей с высоким национальным самосознанием и духовным богатством, с пронизательным и ясным умом, обладающих зрелыми политическими взглядами, четко понимающих чего хотят и куда идут и способных шаг за шагом двигаться в выбранном направлении, – невозможно.

На третьем месяце существования Национального правительства был создан Чрезвычайный Следственный Комитет по расследованию геноцида, совершенного вооруженными армянскими бандформированиями против азербайджанских тюрок в Баку, Губе, Шамахи, Лянкяране и других городах и регионах Республики в марте 1918 года, а также сбору вещественных доказательств и свидетельских показаний, что говорит о дальновидной политике только что образованного государства. Работа Комитета, проводимая в чрезвычайно сложных условиях, имела большое значение не только для того времени, но и сегодня результаты той честно и тщательно проведенной работы препятствуют попыткам армян фальсифицировать и исказить историю, выявляя их ложь и клевету.



Еще один важный шаг был сделан осенью 1919 года, – министр иностранных дел М.Ю.Джафаров 13 октября подписал распоряжение о создании отдельной Комиссии по сбору материалов и документов для доказательства имперской колониальной политики России против местного мусульманского населения Закавказья, его исторического прошлого, национального самосознания, традиций и обычаев.

Оба решения свидетельствуют о целенаправленной деятельности правительства АДР и его чувстве ответственности перед народом и историей. Если бы высшее и среднее руководящее звено страны не было представлено людьми, которые искренне любили свой народ и свое государство и обладали чувством ответственности перед ними, то не были бы созданы подобные институты, выдвигавшие на первый план национальные интересы.

Инициатором сбора и публикации свидетельств русской колониальной политики в Азербайджане был польский татарин, выпускник юридического факультета Петербургского университета, с лета 1919 г. занимавший пост начальника канцелярии Совета Министров, историк и писатель Леон Найман-Мирза-Кричинский. До своего прибытия в Баку он работал на такой же должности – начальника канцелярии – в недолго просуществовавшем Крымском правительстве, которое возглавлял его сородич генерал М.Сулькевич. За короткое время он собрал в местных архивах документы и переписку, отражающие колониальную политику русского царизма на Крымском полуострове, на основе которых уже через год в Баку издал сразу две книги: «О религиозном давлении на крымских татар» и «Борьба против просвещения и культуры крымских татар». В Агмесджиде (Симферополь) всю эту работу, можно сказать, он проделал в одиночку. А в Азербайджане, пусть в небольшом количестве, но у него были помощники, обладавшие научными знаниями и политическим опытом. В состав Комиссии вошли его земляк Константин (Керим) Сулькевич, переводчик Министерства иностранных дел, поэт и публицист Али Юсиф Юсифзаде и начальник секретариата Министерства внутренних дел Мохаммед Агаев. Через некоторое время к ним присоединился глава законодательного департамента Парламента, известный поэт и общественный деятель Гусейн Мирзаджамалов. В результате усилий Мохаммеда Агаева и Гусейна Мирзаджамалова работа Комиссии приобрела более широкий и организованный характер.

В данной статье речь пойдет об одном из вышеупомянутых людей – Мохаммеде Агаеве (Мехмете Ага-Оглу в годы вынужденной эмиграции), прошедшем путь от рядового служащего в Министерстве внутренних дел до всемирно известного ученого.

\* \* \*

Мохаммед Гасан оглу Агаев (в будущем Мехмет Ага-Оглу) родился 4 августа 1895 года в древнем азербайджанском городе Иреван, в семье среднего достатка. Семья имела двухэтажный каменный дом в Иреване, усадьбу в портовом городе Ирана Энзели, а также недвижимое имущество в столичном Тегеране. Весьма вероятно, что отец Мохаммеда Агаева занимался крупной торговлей с Ираном. Некоторые источники утверждают, что он является представителем знаменитой гарабахской династии Агаоглу, однако это не соответствует действительности, скорее, простое совпадение, они всего лишь однофамильцы. Возможно, чтобы отличаться от своего известного соотечественника, журналиста и общественного деятеля Ахмеда Агаоглу, Мохаммед Агаев предпочел представлять себя в Турции и Соединенных Штатах несколько иначе, как Ага-Оглу.

Среднее образование в 1904-1912 годах Ага-Оглу получил в классической гимназии в Москве, куда семья Агаевых переехала в связи с торговыми делами отца. В октябре 1916 года он поступил на первый курс Лазаревского Института Восточных Языков при Московском университете. В годы учебы под руководством опытных профессоров получил обширные знания по литературе, истории, философии и искусству исламского Востока, изучил несколько восточных и европейских языков. В 1918 году после завершения 3-го курса

в связи с большевистской революцией ему пришлось оставить институт и возвратиться в родной Иреван. Однако из-за враждебного отношения и преследований со стороны армянских националистов он не смог дольше задерживаться в Иреване и ему пришлось переехать вместе с семьей в Баку.

Интерес к исследованиям, стремление закрепить теоретические знания практическим опытом способствовали раннему приобщению Мохаммеда Агаева к научным изысканиям. Более двух лет он участвовал в научных поездках в составе лазаревских экспедиций. Путешествуя по Азербайджану, Центральной Азии, Ирану, Ираку, Сирии, Анатолии, он изучал памятники культуры. Результаты поездок еще больше убедили его в необходимости систематических научных исследований в этой области.

Создание Азербайджанской Демократической Республики 28 мая 1918 года, как и всеми национально-патриотически настроенными молодыми людьми, с радостью было встречено молодым Мохаммедом Агаевым. Он без колебаний начал сотрудничать с ново-созданной национальной властью. Из-за острой нужды в молодых, образованных, получивших образование в российских и европейских вузах кадрах, он согласился даже на работу чиновника, притом, что раньше, готовя себя к научной карьере, даже и мысли не допускал о такой работе. Так он возглавил секретариат только начавшего формироваться Министерства внутренних дел.

На первый взгляд, это может показаться странным, – почему специалист по искусству Востока, пойдя на государственную службу, выбрал сферу, которая никак не связана с его профессией? На мой взгляд, на этот вопрос можно ответить: возможно, на него оказал влияние заместитель министра внутренних дел, известный специалист по языкам, истории и культуре Востока, генерал-майор Садыг-бек Агабекзаде (1865-1944), который работал в годы эмиграции профессором университета имени Яна Казимира во Львове. С другой стороны, его работа в таком специфическом ведомстве не лишала Мохаммеда Агаева его любимых восточных исследований. Напротив, он использовал ресурсы министерства для обнаружения и сохранения материальных и культурных ценностей.

Итак, 1 апреля 1919 года молодой Мохаммед Агаев, обращаясь к министру внутренних дел Н.Усуббекову (*тот одновременно являлся и премьер-министром – В.Г.*), просил о предоставлении ему должности чиновника по особым поручениям во вверенном ему министерстве. В завизированном начальником Канцелярии Совета Министров заявлении проситель М.Агаев характеризовался как «решительный, умелый, патриотично настроенный, преданный, чистый и честный молодой человек». После аудиенции у министра внутренних дел и главы правительства Н.Усуббекова 22 апреля 1919 г. Мохаммед Агаев, видимо, по взаимному согласию, был назначен личным секретарем министра.

В октябре 1919 г. возник вопрос о его переходе на дипломатическую работу и о назначении секретарем азербайджанской миссии в Иране. На просьбу министра иностранных дел М.Ю Джафарова по этому поводу от 4 октября 1919 г. под номером 3573 Министерство внутренних дел ответило согласием 8 октября. Однако в связи с задержкой формирования дипмиссии и ее отправки в Иран вопрос потерял свою актуальность, и Мохаммед Агаев до большевистского переворота в Азербайджане продолжал работать в своей прежней должности личного секретаря министра.

Как писал А.Топчибашев в своем знаменитом эссе «Маяк Азербайджана» о Гасанбеке Зардаби: «Условия жизни тюрко-азербайджанцев не дают и не давали возможности и даже права для специализации: от каждого образованного интеллигентного труженика, желавшего посвятить себя народному служению, эти условия повелительно требовали быть и тем, и другим, и третьим. Казалось, что народ с подобным работником как бы условливается и говорит: *«Если хочешь посвятить себя всецело служению мне, то оставь всякие надежды сделаться каким-либо специалистом или профессионалом; ты весь должен принадлежать мне и быть во всякое время тем, кем нужно для меня: иначе я не при-*

*нимаю на свою службу, – пусть в качестве специалиста или профессионала тебе суждено хватать звезды с неба, но мне ты нужен весь...»*

В период существования Азербайджанской Демократической Республики Мохаммед Агаев, как и его друзья-соратники, работал именно по этому принципу и был готов служить народу и государству в любой области, где могли понадобиться его знания, опыт и умения. В историю культуры современного Азербайджана он вошел и как основатель первого национального музея – Музея Независимости, открытие которого было приурочено к первой годовщине Парламента. По его инициативе в 1919 году было организовано еще одно важное учреждение культуры – «Общество защиты древних памятников».

Несмотря на то, что Мохаммед Агаев был очень молод, ему удалось занять достойное место среди немногих интеллектуалов, определявших национально-культурную политику молодой Республики. В результате за короткий срок вместе с одним из близких по духу коллег – Гусейном Мирзаджамаловым (с которым он позднее породнился) – им удалось заложить основу для совершенно новой для культурной жизни страны области – музейного дела.

Официальная газета «Азербайджан», которая поддержала их благородную инициативу, писала в номере от 23 сентября 1919 года: «...у нас была мечта, чтобы на нашей Родине, в Азербайджане, был организован музей. Если во времена Российской империи мы думали, что назовем наш музей «национальным музеем», то сегодня, когда нашим лозунгом является «Независимость», мы видим необходимость в «Музее Независимости».

Большая заслуга в открытии 7 декабря 1919 года музея в одной из комнат здания Парламента, в составлении правил приема, документирования, хранения и сохранения исторических предметов и реликвий принадлежит Мохаммеду Агаеву. Составленный при его активном участии важный документ – «Условия передачи вещей на вечное хранение в Канцелярию Парламента Азербайджана» – может считаться одним из первых правовых актов и конкретных указаний по организации музейного дела в нашей стране.

Как в рамках своей деятельности в Комиссии по сбору документов, относящихся к колониальной политике России, так и на своей прямой работе в Министерстве внутренних дел, Мохаммед Агаев уделял особое внимание поиску, регистрации и хранению культурных и исторических памятников. Так, для сбора и сохранения ценностей культуры он старался максимально использовать все возможности организации, в которой он работал. В своем письме к министру внутренних дел от 24 января 1920 года личный секретарь настойчиво просил вменить в обязанность работникам министерства в губерниях и уездах собирать и систематизировать информацию о древних памятниках, надгробиях, гробницах, надписях на могильных камнях, в мечетях, церквях, монастырях, храмах, часовнях и ханагах<sup>1</sup>. Подробный список памятников культуры предписывалось представлять в Комиссию с полным и точным названием места, где расположен памятник, под каким названием этот памятник известен в народе, его текущее состояние, а также условия его охраны.

Автор письма тесно связывал охрану существующих материально-культурных ценностей и их пропаганду с национальной независимостью Азербайджана. Он считал, что историческое прошлое народа и его творческий потенциал являются одними из факторов, приведших его к национальной независимости. В связи с этим он подчеркивал в вышеупомянутом письме: «В настоящее время только народы, способные доказать свою самостоятельность историческими документами и деятельностью в области культуры, получают право на независимость и свободу». В ответ на вопрос о том, имеют ли азербайджанские турки, желающие построить независимое государство, такие исторические памятники, Мохаммед Агаев писал:

<sup>1</sup> *Ханагах* – молельня, помещение для проживания и службы дервишей.

*«Богатство нашей истории и археологических материалов позволят нам доказать свое право на независимое существование.*

*Если мы рассмотрим наше историческое прошлое согласно периодам, определенным учеными-историками (каменный, бронзовый, железный века), мы увидим, что наша Родина является одним из центров человеческой цивилизации.*

*На протяжении истории через наши земли проходили великие народы. На этих землях создавались могущественные государства, происходили великие сражения. Наконец, именно на этой территории лицом к лицу столкнулась культурная Европа с воинственной Азией. Еще задолго до христианства такие греческие историки, как Геродот, Страбон и др., писали о военной силе народов, проживающих на этой территории, о влиянии событий, участниками которых они были, на мировую историю, о богатстве и изобилии наших земель».*

В своем письме Мохаммед Агаев оценил создание отдела археологии при министерстве народного образования как замечательное событие в научной и культурной жизни молодой Республики. Была еще раз подчеркнута важность передачи Музею Независимости всех обнаруженных материальных и культурных ценностей для их демонстрации, охраны и защиты. Также было предложено рядом с отделом археологии при министерстве народного образования создать отдельную библиотеку для хранения и научного изучения рукописей, коллекций редких книг, древних молитвенников и других документов в соответствующих условиях.

Молодой и амбициозный Мохаммед Агаев, веривший в богатство азербайджанской культуры, в творческий и интеллектуальный потенциал своего народа, считал, что в условиях независимости в Баку можно создать широкие возможности для изучения истории, культуры и искусства не только родной страны, но и для целого мусульманского Востока. Гуманитарная политика, проводимая правительством АДР, также давала надежду на будущее развитие этой области.

Но русский колониализм, по которому он собирал материалы, вновь вернулся в Азербайджан в новой форме – в форме большевистской оккупации – и на долгие годы перечеркнул все связанные с Родиной надежды, как его, так и десятков молодых патриотов-интеллектуалов.

После советизации Азербайджана Мохаммед Агаев еще некоторое время жил на своей исторической родине и всеми силами старался продолжать начатую работу в области культурной политики. Спустя два месяца после апрельского переворота – 22 июня 1920 г. – его, Арслана Кричинского и Гусейн бека Мирзаджамалова даже восстановили на прежней работе, – все они стали членами коллегии по охране исторических памятников при Министерстве народного образования (МНО).

Некоторые интересные сведения о «советском периоде» жизни и деятельности Мохаммеда Агаева можно почерпнуть из энциклопедического справочника «Азербайджанцы, обучавшиеся в высших учебных заведениях до 1920 года» М. Марданова и А. Тагирзаде.

Так, 15 сентября 1920 г. новоявленный советский чиновник М. Агаев подает заявление об освобождении его от должности заведующего историко-археографической секцией МНО в связи с «трудным материальным положением» и вскоре становится заведующим подотделом библиотечного дела. Находясь на этой должности, он по приказу наркома Д. Буниятзаде в составе агитационного поезда путешествовал по республике с целью ознакомления с состоянием библиотек в разных уголках Азербайджана.

Кстати, в октябре 1920 года именно он был командирован в город Газах с целью обнаружения и составления списка книг личной библиотеки и ценных рукописей организатора и первого директора местной учительской семинарии, первого историка азербайджанской литературы Фирудин-бека Кочарли, спешно расстрелянного большевиками пятью месяцами раньше.

Вызывает интерес также доклад, составленный Мохаммедом Агаевым о состоянии библиотечного дела в молодой советской республике. Он с горечью говорил о скудности библиотечных фондов Азербайджана и о вопиюще несправедливом соотношении книг на русском и азербайджанском языках. Например, по подсчетам М.Агаева, в библиотеках Шеки, где 98 процентов населения составляли азербайджанцы, из 10 тысяч книг библиотечного фонда только 5 процентов – т.е. 500 книг – были на азербайджанском языке. В 40 библиотеках Баку общее количество книг на языке коренного населения составляло мизерную цифру – всего 5000 экземпляров. Издательства не были в состоянии за короткий срок изменить эту печальную реальность. Поэтому с целью выхода из этого положения М. Агаев предлагал не жалеть валютных средств на покупку книг и других печатных продуктов в соседней братской Турции. Общность языка и алфавита тех лет делали печатную продукцию Стамбула легкодоступной для читающей публики Азербайджана.

Вскоре это разумное и своевременное предложение М.Агаева было осуществлено. Профессор востоковедческого факультета Бакинского университета Пантелеймон Жузе был командирован в Стамбул и Тегеран. В этих центрах исламской культуры он купил несколько тысяч экземпляров книг для университетской библиотеки.

Находясь в Баку, Мохаммед Агаев занимался также педагогической деятельностью. Начиная с января 1921 года он преподавал историю Азербайджана на одногодичных курсах, готовивших учителей для начальных и средних школ.

Несмотря на огромную любовь к своей Родине, к ее истории и культуре, Мохаммед Агаев все чаще и чаще думал об избавлении из советского ада. Во-первых, ему надо было завершить свое прерванное революцией высшее образование. Во-вторых, он хотел заниматься наукой в настоящем смысле этого слова. Однако, ни одно из этих предприятий не могло осуществиться в условиях Баку 1920-х годов. Поэтому, как и сотням его соплеменников, Мохаммеду Агаеву пришлось искать нормальную человеческую жизнь и возможность научной творческой деятельности далеко за пределами Азербайджана.

В 1920-1922 годах, т.е. до образования союзного государства СССР, Азербайджанская Советская Республика пользовалась относительной свободой, частично сама определяла свою внутреннюю и внешнюю политику. В Баку функционировали дипмиссии некоторых стран, вузы приглашали профессоров и преподавателей в основном из соседней Турции, азербайджанская молодежь для получения высшего образования отправлялась за государственные деньги в европейские университеты.

Мохаммед Агаев решил воспользоваться этим легальным путем для отъезда из страны с целью продолжения учебы. 13 июня 1921 г. коллегия Министерства народного образования рассмотрела вопрос о направлении своего сотрудника, окончившего три курса Лазаревского Института Восточных Языков при Московском университете, Мохаммеда Гасан оглу Агаева в Германию как стипендиата Азербайджанской ССР. По решению коллегии он должен был специализироваться в области тюркологии и после завершения учебы возвратиться в распоряжение Наркомобразования.

Итак, в августе 1921 г. Мохаммед Агаев покинул Баку, куда больше никогда не возвратился, и в принципе тюркологом не стал.

Но с полной уверенностью можно сказать, что бакинский период его жизни и кратковременное дыхание независимости сыграли не последнюю роль в том, что в будущем он станет выдающимся специалистом по искусству Востока в мировом масштабе...

\* \* \*

Многие исследователи, говоря о богатом научном наследии и всесторонней научной деятельности Мохаммеда Агаева, прославившегося среди историков-востоковедов и искусствоведов в 30-40-годах XX века уже как Мехмет Ага-Оглу (см. Vernoit, «Islamic Art and Architecture: an Overview of Scholarship and Collecting», 1850-1950; Vernoit, «Discover-

ing Islamic Art; The Mirage of Islamic Art»; Marilyn Jenkins-Madina, «Collecting of Art at the Met: Early Tastemakers in Amerika»; Z.Simavi, «Mehmet Aga-Oglu and the formation of the field of Islamic art in the United States» и т.д.), обходят молчанием короткий период его работы в правительствах АДР и Азербайджанской ССР и как обычно начинают изучение его биографии с 1921 года, когда он поступил в Стамбульский университет, где продолжил свое образование. Одним словом, несколько важных лет жизни ученого остаются незамеченными.

И это можно понять, потому что никаких серьезных исследований о нашем соотечественнике, единственном на сегодняшний день профессоре по исламскому искусству в США, основателе и первом главном редакторе фундаментального искусствоведческого журнала «Ars Islamica», издававшегося в 1934-1951 годах – на его исторической родине не проводилось. Мохаммед Агаев – Мехмет Ага-Оглу, – начавший свою научную деятельность в качестве организатора музейной работы и библиотечного дела, первого коллекционера национальных культурно-материальных ценностей, определенно заслуживает большего внимания.

Я хотел бы привести одну цитату из вышеназванной работы турецкого исследователя из Великобритании З. Симави: «За двадцатилетний период своей деятельности в США (1929-1949) Ага-Оглу, как ученый, педагог, организатор, куратор и издатель, заложил в этой стране основы академической науки истории культуры исламского мира».

\* \* \*

Будучи в Стамбуле Мохаммед Агаев принял решение, определившее всю его жизнь, – он выбрал исламское искусство как основную сферу своей научной деятельности и поставил себе цель – стать первоклассным специалистом в этой области. Он поступил в Стамбульский университет, называвшийся тогда Дарюльфунуном. Судьба была благосклонна к молодому человеку, – он повстречал Халила Эдхема Эльдема (1861-1938), выдающегося ученого, одного из основателей музейного дела в Турции и замечательного человека, который стал его покровителем, направляющим его на научной стезе. В тот период Халил-бек, будучи мударрисом (профессором) Стамбульского университета, в то же время занимал пост заместителя директора Османлы Асари-Атига музеси (Стамбульского музея изобразительных искусств, ныне Стамбульский археологический музей).

Халил Эдхем, получивший европейское образование, имел большие заслуги в изучении турецких старинных монет и каменных скрижалей. Как выдающийся и дальновидный ученый, он думал о будущем и искал способы дальнейшего исследования богатого исламского искусства в своей стране и поднятия музейного дела на более высокий уровень. Молодой политический эмигрант, приехавший из Азербайджана, привлек его внимание, в нем он увидел своего будущего последователя. После продолжительных обсуждений Мохаммед Агаев, уже под новым именем Мехмет Ага-Оглу, в 1922 году, на основе предварительно составленного плана Халила Эдхема Эльдема, на четыре года уехал в Германию и Австрию для обучения и прохождения практики у самых лучших профессоров и специалистов, среди которых было много его знакомых и друзей.

Прежде всего Мехмет Ага-Оглу прослушал курс профессора Берлинского университета Эрнста Херсфельда (1879-1948), выдающегося ирановеда, специализировавшегося на древней и современной истории Ближнего Востока, и Карла Беккера (1876-1933) – издателя журнала «Der Islam», основателя немецкого ориентализма XX века. Затем в Йенском университете прослушал основной курс по ранней христианской археологии, западному искусству и эстетике. В 1924-1926 гг. в Венском университете под руководством профессора Йозефа Стржиковского (1862-1941) работал над докторской диссертацией по средневековой турецкой архитектуре.

Й.Стржиковский был выдающимся специалистом по византийскому искусству, в своих полемических книгах «Восток или Рим?», «Малая Азия – территория неизученного искусства» пытался обосновать концепцию первичности культуры Востока и ее влияния на христианскую Европу. В книге «Алтай-Иран и великое переселение народов» он исследовал особенности древнетюркского искусства, неумирающие традиции кочевых народов и выявил их следы в европейской культуре.

За четыре года, проведенные в Германии и Австрии, в странах, обладающих совершенной научной школой, Мехмет Ага-Оглу стал универсальным специалистом в области как западного, так и восточного искусства. В связи с тем, что он обучался в одном из лучших университетов России и в совершенстве владел русским языком, в отличие от некоторых своих восточных и западных коллег, он также имел возможность изучать славянскую культуру в турецко-исламском контексте. Латинский и греческий языки, которые он изучал в гимназии и университете, позволили ему глубже изучать древнюю историю. Однако, несмотря на огромные возможности для дальнейшей научной деятельности, имеющиеся в европейских университетах, в 1927 году, закончив образование и защитив докторскую диссертацию, Мехмет Ага-Оглу вернулся в Турцию.

Здесь он начал работать хранителем Çinili Köşk при музее Торсар. Затем стал исполнительным директором музея Эвқаф<sup>1</sup>, а также помощником профессора по исламскому искусству в Стамбульском университете.

С середины 1920-х годов статьи, написанные Мехметом Ага-Оглу на турецком и немецком языках, были опубликованы в различных научных журналах. Казалось, что молодой ученый нашел свое место в жизни. После Москвы он продолжил образование в таких передовых университетских центрах, как Стамбул, Берлин, Йена, Вена. Он имел опыт работы с самыми известными учеными и специалистами того времени. В течение семи лет, после приезда из Азербайджана в Турцию, он прошел путь от никому не известного эмигранта до профессора по восточному искусству. Но Мехмет Ага-Оглу по натуре был человеком, стремящимся к изменениям, постоянно ищущим что-то новое. Он не хотел удовлетворяться достигнутым и без колебаний готов был изменить свою жизнь ради науки. Возможно, поэтому в конце 1929 года он принял предложение Детройтского Института изобразительных искусств в Мичигане (США) стать хранителем в музее Ближнего Востока и, покинув ставшую второй родиной Турцию, переехал в Америку. По словам З. Симави, Мехмет Ага-Оглу во время своей научной деятельности в Штатах был единственным выдающимся ученым в области исламского искусства, прошедшим основательную научную школу.

Другим его преимуществом было знание трех основных восточных языков наряду с тремя основными западными языками, а также обладание большими историко-филологическими знаниями. Наконец, в отличие от своих европейских коллег, он знал Восток не по книгам, не по лекциям. Он был выходцем с Востока, по рождению и воспитанию был восточным человеком. Личные контакты в турецких научных кругах, авторитет, заслуженный в области музеологии, давали ему широкую возможность для сотрудничества с турецкими культурными организациями. Все это, в сочетании с его самоотверженностью и трудолюбием, превратило Мехмета Ага-Оглу в незаменимого эксперта в новом научном направлении – изучении и пропаганде в Соединенных Штатах богатейшего искусства исламского мира. В результате наш соотечественник, который отправился в Америку, подписав трехлетний контракт, остался там жить и работать до конца своей жизни.

В 1920-х годах Институт изобразительных искусств в Детройте, несмотря на звучное имя, был всего лишь обычным муниципальным музеем. Большая часть экспонатов представляла европейское и американское искусство. Восточная коллекция почти отсутствовала.

<sup>1</sup> музей вауфов – вақф, вауф – завещание на богоугодное дело, с благотворительной целью.



Но, к счастью, облик Детройтского института резко изменился в результате целенаправленных усилий представителя немецкой школы истории искусств профессора В.Валентинера, который накануне прихода Мехмета Ага-Оглу начал там свою деятельность в качестве директора. Именно В.Валентинер в поисках опытных помощников для реализации своих грандиозных планов пригласил на работу Мехмета Ага-Оглу. За короткое время талантливый ученый из Азербайджана смог найти достойное для себя место в новой среде.

В период с 1929 по 1938 годы он служил хранителем в институте, ставшем крупнейшим центром исламского искусства в Америке, а в 1933-1938 годах занимал должность профессора Мичиганского университета в Детройте.

Вскоре после того как Мехмет Ага-Оглу был назначен хранителем, для привлечения внимания американского научного сообщества, и в первую очередь специалистов, к хранящимся в музее предметам исламского искусства он в октябре 1930 года организовал нашумевшую выставку «A Loan Exhibition of Mohammedan Decorativ Art» (Экспозиция мусульманского декоративного искусства). Выставка, которая, в основном, представляла предметы прикладного искусства исламских народов, состояла из рукописей, керамики, изделий из металла, дерева, слоновой кости, шкатулок, художественных тканей, вышивок и т.д. Часть экспонатов была взята из хранилища Детройтского музея изобразительных искусств, другие – из частных коллекций известных в США коллекционеров.

Спустя несколько дней после открытия первой в США выставки исламского искусства, на первой странице газеты «The Art Digest» была опубликована статья «Музей Детройта представляет предметы прикладного искусства исламского мира», в которой упоминается об инициативе Мехмета Ага-Оглу, «впервые в стране объединившего все отрасли исламского искусства».

Параллельно с осуществлением этого крупного культурного проекта Детройтский институт также организовал выставку картин и эскизов архитектурных памятников Индии, Ирана, Средней Азии, Турции и Египта, а также выставку прикладного исламского искусства XI-XX веков (в основном, художественных тканей – текстиля). Будучи организатором обоих культурных мероприятий, Мехмет Ага-Оглу принял также активное участие в работе комиссии по отбору предметов искусства и в организации «Международной выставки персидского искусства», открывшейся в 1931 году в знаменитом лондонском дворце Берлингтон-Хаус.

На этой выставке экспонировались шесть артефактов исламского изобразительного искусства, хранившихся в Детройтском институте и специально привезенных в Лондон. В некотором смысле это дало толчок к признанию Мехмета Ага-Оглу как эксперта в восточном искусстве и сыграло свою роль в признании и популяризации в Европе института, в котором он работал. Детройтский институт впервые был представлен на престижной международной выставке одновременно с такими известными музеями с мировыми именами, как Метрополитен-Музей, Чикагский институт изобразительных искусств, Бостонский художественный музей и музей Фогга Гарвардского университета.

На научном симпозиуме, который проходил перед выставкой, искусствовед-азербайджанец выступил с докладом о предисловии к альбому Бахрама Мирзы, хранящемуся в музее Топкапы. В этом докладе он впервые коснулся эпохи тюркской династии Сефевидов и ее богатой культуры. Впоследствии научная деятельность профессора Мехмета Ага-Оглу тесно будет связана именно с этим периодом истории ирано-тюркской культуры.

А предисловие, о котором говорил ученый, было краткой историей персидской миниатюрной живописи, написанной в 1544 году известным персидским художником-миниатюристом, каллиграфом и историком-искусствоведом Дуст Мохаммедом (1510-1565). Мехмет Ага-Оглу был первым профессиональным исследователем, который изучил этот ценный художественный памятник.

В дни проведения выставки газета «New York Times» и авторы коллективной книги «Персидская миниатюрная живопись», вышедшей спустя год после выставки, поспешили заявить, что в скором времени ученый представит перевод предисловия Дуст Мохаммеда к альбому Бахрама Мирзы на европейские языки. Однако с таким нетерпением ожидаемое искусствоведами произведение так и не появилось в печати или в виде отдельного издания. Вместо этого был опубликован подготовленный Ага-Оглу каталог из 172 работ, представленных в Детройте в 1930 году на выставке «A Loan Exhibition of Mohammedan Decorative Art». Впервые в Америке исламское искусство было представлено так широко.

В связи с успешной организацией Мехметом Ага-Оглу выставок, проведением им пропагандистской и просветительской работы Институт изобразительных искусств Детройта получил возможность обогатить свой фонд исламского искусства новыми экспонатами. И это в то время, когда американская экономика переживала период Великой депрессии. Несмотря на небольшие по сравнению с предыдущими годами средства, выделенные институту, количество экспонатов в фонде увеличилось благодаря любви и заботе Мехмета Ага-Оглу. В февральском за 1931 год выпуске фундаментального издания «Бюллетеня Детройтского института искусств» говорится, что и сам азербайджанский ученый, подавая личный пример, подарил музею две редкие средневековые рукописные книги. Принимая во внимание расширение фонда и увеличение количества экспонатов, руководство Института изобразительных искусств в Детройте построило дополнительную галерею для демонстрации предметов исламского искусства.

Одним из активных авторов упомянутого выше научного издания «Bulletin of the Detroit Institute of Arts of the City Detroit» был сам Мехмет Ага-Оглу. Согласно историкам искусства, в 1929-1938 гг. он опубликовал в этом влиятельном издании тринадцать научных статей, посвященных различным периодам и проблемам истории исламского искусства. В этом он опередил всех своих коллег, с которыми вместе работал. Более того, все его статьи по рассматриваемым в них западным и восточным источникам, их критический анализ в 30-х годах прошлого века в истории искусства США можно было назвать научными инновациями.

С 1933 года Мехмет Ага-Оглу расширил сферу своей деятельности и получил должность профессора в Мичиганском университете. Педагогическая деятельность ученого стала возможна благодаря гранту, выделенному институту Фондом Карнеги. Основная цель, на которую был выделен грант, заключалась в обучении искусствоведов, специализирующихся в области истории искусства исламских стран. В результате университет в Мичигане стал первым учебным заведением в истории американской высшей школы, где открылась кафедра исламского искусства, и Мехмет Ага-Оглу был первым ее руководителем. Ученый читал лекции и проводил семинары вместе с Изабель Хаббард, своим ближайшим помощником в музее.

Спустя несколько лет Мехмет Ага-Оглу приобрел хорошую репутацию и уважение не только в Мичиганском университете и в Детройтском институте изобразительных искусств, но и во всей Америке. Не случайно в 1935-ом и 1938-ом годах искусствовед из Азербайджана по приглашению другого известного американского вуза – Принстонского университета – читал в нем цикл лекций об арабском и персидском искусстве. Созданный им на основе богатых западных и восточных источников курс «Введение в историю исламского искусства», как с научной точки зрения, так и с точки зрения системного обучения, стал первым учебным пособием по восточному искусству в истории американской высшей школы. Вскоре стало совершенно очевидно, что инициатива была успешной. Это следует и из приведенной ниже статистики. В самом начале учебной программы у профессора Ага-Оглу было всего шесть учеников. Несколько лет спустя число желающих стать специалистами в области истории исламского искусства достигло двадцати двух. Правда, в это время ученый уже покинул Мичиганский университет. Но как мы видим, се-

мена, которые он посеял, принесли свои плоды. Эта специфическая область изучения, теперь включающая в себя множество лекционных курсов и семинаров, приобрела достаточную популярность и успешно развивалась без участия Мехмета Ага-Оглу.

Так Мехмет Ага-Оглу уже через пять лет после своего переезда в США заложил основу для обучения в музеях и университетах страны специалистов по истории исламского искусства и, начав читать лекции на уровне семинаров, позже на их основе подготовил базовую учебную программу.

В период работы в Институте изобразительных искусств Детройта и в Мичиганском университете ему удалось объединить теоретические научные исследования с практической деятельностью. Пользу от этого, в первую очередь, видели будущие специалисты, пожелавшие посвятить себя изучению исламского искусства. В результате весной 1936 года, с помощью пока еще немногочисленных своих студентов, на основе университетской коллекции, он организовал интересные выставки: «Персидская миниатюра» в Детройте и исламского прикладного искусства в Мичигане, где были представлены работы по дереву, исламские и коптские (Египет) образцы керамики и художественного текстиля.

В 1934 году Мехмет Ага-Оглу сделал еще один важный шаг в истории изучения исламского искусства и основал журнал «Ars Islamica», ставший не только в США, но и во всем мире первым специальным научным изданием, посвященным исламскому искусству. По словам З. Симави, «Ars Islamica» был первым и единственным журналом, поставившим себе целью исследование истории исламского искусства. В это время в состав редакции журнала входили, в основном, уже известные специалисты и эксперты в области истории восточного и исламского искусства. Среди них были и учителя Мехмета Ага-Оглу. В первом выпуске журнала за январь 1934 года отмечалось, что это – совместное издание Мичиганского университета и Детройтского института изобразительных искусств. Однако издание следующего выпуска университет полностью взял на себя. Издание и распространение журнала было возложено на художественную галерею «Freeg», находящуюся недалеко от Мичиганского университета, Институт Смитсона и Департамент истории искусств. Хотя спустя три года Мехмет Ага-Оглу оставил работу в редакции, издание продолжало выходить вплоть до 1951 года. В 1954 году «Ars Islamica» был переименован в «Ars Orientalis» и издается до сегодняшнего дня. Была создана электронная версия как старой, так и новой редакции журнала, и они находятся в свободном доступе.

Несмотря на то, что это было американское издание, языкового ограничения в журнале не было. Статьи публиковались в основном на трех европейских языках – английском, французском и немецком. Источники, как правило, печатались на языке оригинала. Публикации сопровождалась богатыми красочными и качественными иллюстрациями. С этой точки зрения можно сказать, что журнал опередил свое время.

В предисловии к первому номеру журнала Мехмет Ага-Оглу подчеркнул, что главной целью «Ars Islamica», как специфического издания, является «стимулирование интереса к изучению исламского искусства», для чего необходимо выполнение следующих условий:

*«Нашей целью является предоставление возможности обсуждения на академическом уровне различных вопросов, связанных с художественно-историческим развитием искусства вообще и прикладного искусства в частности.*

*Особо мы хотели бы подчеркнуть, что журнал будет иметь нейтральную позицию по всем вопросам, по всем выдвинутым мнениям и не в одностороннем порядке поддерживать ту или иную точку зрения или идею. Журнал всегда будет открыт для проблем и вопросов, представляющих общий интерес, их комментариев и противоречащих друг другу точек зрения и высказываний. По единодушному мнению издателей, только в результате проведения такой политики журнал может в будущем достичь целей, которые он перед собой ставит».*

Условия, выдвинутые редактором, носили вовсе не случайный характер. Дело в том, что «Ars Islamica» начал издаваться в такое время, когда исследователи мусульманской цивилизации выдвигали очень разнообразные, порой противоречивые и даже противоречащие друг другу мнения. Были ученые, как утверждающие исторический опыт мусульманской цивилизации и ее большую значимость для общечеловеческой культуры, так и те, кто отвергал это. В такой ситуации поддержка мнения даже самого авторитетного специалиста как единственно правильного могла привести к подавлению других идей и точек зрения. Поэтому для сохранения объективности Мехмет Ага-Оглу с первых дней своего руководства журналом счел необходимым подчеркнуть, что для выявления истины страницы издания открыты для здоровой и эффективной полемики. В период редактирования он неукоснительно соблюдал этот принцип.

Благодаря такой политике редакции, за короткое время «Ars Islamica» приобрел большую популярность не только в Соединенных Штатах и Европе, но и в научных институтах и музейных центрах Азии как журнал, давший зеленый свет объективному исследованию исламского искусства.

«The Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archeology», отмечая вторую годовщину появления в научном мире журнала «Ars Islamica», высоко оценив успехи своего собрата, писал, что, имея «амбициозную программу и высокие стандарты», он демонстрирует уверенность и готовность достичь поставленной перед собой цели: «Журнал отличается безукоризненностью и красотой, иллюстрации имеют высокое качество». «Ars Islamica» может конкурировать с любым искусствоведческим журналом в любом уголке мира. То, что Соединенные Штаты находятся среди стран, активно участвующих в исследовании Ближнего Востока, вызывает чувство искренней благодарности». В официальном докладе Мичиганского университета за 1935-37 годы «The President's Report to the Board of Regents for the Academic Year 1936-1937» отмечается высокое качество публикуемых в журнале материалов, их научно-экспериментальное значение. В докладе также приводятся цитаты из различных средств массовой информации, высоко оценивающих работу «Ars Islamica».

Естественно, за создание такого журнала Мичиганский университет был благодарен прежде всего профессору Мехмету Ага-Оглу. Интересно, что в 1937 году, когда отмечалась столетняя годовщина основания Мичиганского университета, считающегося одним из старейших университетов США, о научных достижениях этого вуза была выпущена и отдельная книга, состоящая из материалов, отобранных специально из «Ars Islamica». В нее вошли тридцать пять статей, опубликованных в журнале, из которых четырнадцать принадлежали американским ученым, а остальные – искусствоведам и историкам искусства из других стран мира.

В издании книги под руководством Мехмета Ага-Оглу принимали активное участие все члены редакционной коллегии «Ars Islamica». Юбилейное издание без преувеличения можно назвать хрестоматией мусульманского искусства, так как в нем были отражены исследования в различных областях искусства Востока. За многими статьями, представленными в книге, стояли многотомные исследовательские труды, научные школы и их многочисленные исследователи, экспедиции.

Еще одно важное нововведение в жизни Мичиганского университета также было связано с именем и деятельностью Мехмета Ага-Оглу. В середине 1930-х годов, когда возникла идея привлечения в это высшее учебное заведение студентов из стран Ближнего Востока, являющихся естественными носителями языка и культуры, реализацию этого проекта возложили на азербайджанского ученого как на знатока и эксперта мусульманских стран.

С этой целью Мехмет Ага-Оглу провел долгие переговоры с соответствующими учреждениями Ирана, Турции, Ирака, Сирии и Египта, и каждая из этих стран направила по

два своих студента (всего десять человек) в Мичиганский университет для прохождения полного курса обучения по исламскому искусству. В докладе, представленном университетом за 1934-1935 годы, была подчеркнута ведущая роль профессора Ага-Оглу в отборе вместе со специалистами этих стран студентов и решении всех вопросов, связанных с их прибытием в Соединенные Штаты и их образованием.

Празднование в Иране в 1934 году 1000-летнего юбилея классика персидской литературы Абульгасыма Фирдовси (934-1020) стало еще одной возможностью для привлечения студентов из восточных стран, а также установления новых научных связей с мусульманским Востоком. На это глобальное культурное мероприятие Мехмет Ага-Оглу был приглашен ответственным секретарем юбилейного комитета, известным иранским ученым Саидом Нафиси как представитель Мичиганского университета и Детройтского института изобразительных искусств.

В рамках юбилея на конференции с участием всемирно известных востоковедов в столице Ирана он выступил с докладом о рукописи великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви «Хосров и Ширин», которая хранилась в фондах галереи Фреера в Вашингтоне. После возвращения в Соединенные Штаты ученый написал статью «Посещение могилы Фирдовси», посвященную своей поездке в знакомый ему с детства регион после пятилетнего перерыва, и опубликовал ее в одном из номеров журнала Мичиганского университета «Michigan Alumnus» за 1935 год. Его участие в юбилейных празднествах придало новый импульс связям с Востоком.

Научная командировка Мехмета Ага-Оглу в Иран и другие страны Ближнего Востока, ставшая большим стимулом для новых научных связей и исследований, продолжилась с августа по ноябрь 1934 года. В рамках этой поездки он посетил Тегеран, Иерусалим, Бейрут, Дамаск, Багдад и Каир. Побывал также в Селевке и Каранисе, где археологи Мичиганского университета проводили раскопки. В самом Иране посетил города Кирманшах, Хамадан, Казвин, Мешхед, Нишапур, Тус, Гум, Исфахан, Бушер, Шираз, где изучал древнюю персидскую культуру, посетил древние памятники Персеполиса. Поездка была плодотворной и с точки зрения отбора студентов для обучения в Мичиганском университете, и с точки зрения установления научных связей с иранскими учеными.

Несмотря на то, что Мехмет Ага-Оглу регулярно публиковал статьи по различным вопросам исламского искусства в научных журналах, первая его монография – «Persian Bookbindings of the Fifteenth Century» («Переплетное дело в Персии в пятнадцатом веке») была опубликована только в 1935 году в издательстве Мичиганского университета. Определенную роль в данном исследовании сыграла работа, проведенная им в библиотеках и музеях Стамбула и Ирана. По тому, что на обложке издания 1935 года было указано «Первый том», можно предположить, что автор намеревался выпустить несколько томов, посвященных данному вопросу.

За исключением нескольких эпизодических попыток, исторические аспекты, художественное мастерство и техническое своеобразие переплетного дела, сформировавшегося в исламском мире как отдельное искусство, впервые были изучены Мехметом Ага-Оглу в вышеназванной книге. Вскоре после издания монографии на нее были опубликованы положительные рецензии в таких американских журналах, как «American Magazine of Art», «Apollo», «Bookbinding Magazine», «The Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archeology», «Michigan Alumnus and Parnasus», а также в турецких, английских, французских научных журналах. В рецензиях отмечалось, что Ага-Оглу стал первым серьезным и последовательным исследователем переплетного дела и книгоиздания в исламском мире, особо подчеркивалось, что его исследования основываются на до сих пор неизвестных западному ученому миру источниках.

Вторая монография Мехмета Ага-Оглу «Safavid Rugs and Textile: The Collection of the Shrine Imam Ali at Al-Nacaf» («Ковры и текстиль эпохи Сефевидов: на основе коллекции,

хранящейся в гробнице имама Али в городе Наджаф») была издана спустя шесть лет в 1941 году в издательстве Колумбийского университета. Материал для книги в основном был собран во время визита ученого на Ближний Восток в 1934 году, продолжавшегося несколько месяцев.

В связи с тем, что немусульманам вход в гробницу имама Али был запрещен, Мехмет Ага-Оглу стал первым профессиональным историком-искусствоведом Западного мира, вступившим в священный для мусульман храм. Как упоминалось во вступительной части, наджафские муджахиды разрешили ученому в течение одной недели изучать и фотографировать ковры и декоративные текстильные изделия, в основном являющиеся дарами сефевидских правителей, членов их семей и используемые в каждодневных религиозных обрядах или же просто хранящиеся в храме. В результате исключения, сделанного для ученого-мусульманина и азербайджанского тюрка, это священное для мусульман место было открыто миру с точки зрения хранящихся там ценностей искусства. В то же время мир увидел и узнал Сефевидскую династию не только как тюркское и шиитское государство, но и его культурные традиции и потенциал.

Наряду с новизной и оригинальностью материалов, представленных в книге, издание привлекало внимание и высоким качеством и культурой печати. Американский институт удостоил книгу азербайджанского ученого специальным призом за графическое искусство и превосходный художественно-технический дизайн, признав ее одной из 50 лучших книг года. По словам З. Симави, эту книгу, представленную на всеамериканский конкурс Нью-Йоркской публичной библиотекой, жюри выбрало из 631 номинированного печатного издания.

Для нас эта работа особо ценна тем, что она глубоко связана с культурой и искусством азербайджанских тюрков. Примечательно, что образцы прикладного искусства эпохи Сефевидов рассматриваются в книге не только как факт персидской культуры, но и в тюркско-исламском контексте. К сожалению, до сих пор ученые, занимающиеся азербайджанской школой ковроткачества и историей национального ковроткаческого искусства, не уделили должного внимания этому ценному исследованию нашего соотечественника, опубликованному в Соединенных Штатах, хотя эпоха Сефевидов, являющаяся важным этапом нашей истории, а также связанное с ней развитие науки, искусства, литературы, впервые были изучены нашим соотечественником в далекой Америке...

\* \* \*

В июне 1938 года Мехмет Ага-Оглу неожиданно покинул свой пост в Мичиганском государственном университете. Но в течение еще нескольких месяцев продолжал работу в качестве почетного хранителя ближневосточной художественной коллекции Детройтского института изобразительных искусств. В конце года он ушел и из Института. Только спустя десять лет, получив приглашение Вашингтонского текстильного музея, он вернулся к музейной работе, но уже в столице. Исследователи, изучающие жизнь и творчество ученого, так и не нашли причин такого неожиданного решения.

Однако, прежде чем проститься с Мичиганским университетом и Детройтским институтом изобразительных искусств, Мехмет Ага-Оглу дал согласие на предложение De Young Memorial Museum организовать выставку исламского искусства в Сан-Франциско. Предложение поступило от его коллеги искусствоведа Вальтера Хайльдена, с которым они несколько лет вместе работали в Детройте и который буквально накануне был назначен директором De Young Memorial Museum. Первое, что сделал Хайльден на новой должности – пригласил своего друга и коллегу Мехмета Ага-Оглу приехать в Сан-Франциско и организовать выставку исламского искусства. На выставке, проходившей с 24 февраля по 22 марта 1937 года, впервые состоявшейся в западной части Америки, было

продемонстрировано 266 работ из 18 общественных и 29 частных коллекций США и Европы.

Газета «The Art Digest» подчеркнула беспрецедентный успех выставки, ее популярность среди зрителей и, что самое главное, отметила, что благодаря этой выставке всегда скучный «De Young Memorial Museum», который имел провинциальный уровень, резко и качественно изменил свой имидж. Построенный в традиционном стиле «американского» музей, пусть на короткий срок, но оказался в центре внимания зрителей. А оно было вызвано своеобразием и неповторимостью демонстрируемых образцов исламского искусства и безупречным вкусом при отборе экспонатов. Каталог выставки, подготовленный Мехметом Ага-Оглу, был опубликован в том же году в Сан-Франциско.

В 1930-х годах Мехмет Ага-Оглу был одним из немногих ученых, находящихся в Соединенных Штатах, который за тысячи километров от исламского мира изучал культуру мусульманских народов и их вклад в общечеловеческую цивилизацию. В те годы не было открытого враждебного отношения к исламу, но в некоторых случаях выражалось явное неприятие всего мусульманского. Никто не занимался систематическим изучением и пропагандой исламской культуры. Никто в обществе, где доминировали христианские ценности, не брал на себя задачу распространения знаний о созданных на протяжении веков уникальных культурных ценностях мусульманских народов и их вкладе в мировую культуру. В таких условиях Мехмет Ага-Оглу не только изучал и пропагандировал исламскую культуру, но и через нее повышал авторитет и влияние Детройтского института изобразительных искусств и соответствующего отделения Мичиганского университета как основного и влиятельного центра.

Как писал один из исследователей его жизни и научной деятельности, «Ага-Оглу не только зародил интерес к исламскому искусству, но и сыграл важную роль в повышении авторитета институтов, занимающихся этой областью».

В своей статье в газете «Art news», озаглавленной «Исламское искусство в Колумбии», Мехмет Ага-Оглу с болью в сердце писал, что не только в США, но и в остальном мире не уделяется должного и достаточного внимания изучению исламского искусства: *«Хотя нельзя сказать, что в современном мире исламское искусство игнорируется, однако оно занимает последние главы мировой истории искусства. Искусствоведческие факультеты большей части колледжей не заинтересованы в изучении этой области, за несколькими исключениями в музеях нет постоянной экспозиции исламских артефактов. В результате пресса по-прежнему считает культуру мусульманских стран менее важной по сравнению с культурой Западной Европы или Восточной Азии».*

Одной из главных целей грандиозной выставки в Сан-Франциско было рассеяние этого заблуждения. По словам Мехмета Ага-Оглу, такие выставки были ценными больше с точки зрения просветительских функций, нежели научной ценности. Как ни странно, такие просветительские кампании всегда воспринимались с симпатией. Нелегко было пропагандировать исламскую культуру в Соединенных Штатах, где была сознательно уничтожена древняя культура коренного населения – американских индейцев и в 1930-1940 гг. официально существовала расовая дискриминация. Мы можем гордиться тем, что наш соотечественник Мехмет Ага-Оглу был одним из пионеров в этом деле и косвенным образом внес свою лепту через культуру в борьбе против расизма и ксенофобии.

Чем занимался ученый в течение десяти лет с 1938 по 1948 годы, когда снова начал работать в качестве эксперта по восточным коврам и организатора выставок в Вашингтонском музее текстиля? В какой области он использовал свой богатый опыт, неиссякаемую энергию, знания и способности? Мы уже упоминали выше, что за это время он выпустил книгу о коллекции Сефевидов в Наджафе, а также опубликовал несколько статей в научных журналах. Однако эти работы по сравнению с основными проблемами, интересовавшими Мехмета Ага-Оглу, носили эпизодический характер.

В некрологе, опубликованном в «Ars Islamica» и посвященном безвременной кончине Ага-Оглу, его коллеги Вайбелин из Детройтского музея изобразительных искусств и Мариус Диманд из музея Метрополитен писали, что после того как ученый покинул университет в 1938 году, он все свои силы и время посвятил изучению исламских произведений искусств (работ по металлу). Он взвалил на свои плечи работу, с которой с трудом справился бы целый научно-исследовательский институт: с большой самоотдачей он начал работу над запланированным двенадцатитомником «Corpus of Islamic Metalwork» («Сборник исламских произведений по металлу»). Это, несомненно, грандиозный и амбициозный проект, требующий длительного времени, интенсивных поисков и, прежде всего, неисчерпаемого желания и энергии.

Мехмет Ага-Оглу планировал изучить историю художественной обработки металла в мусульманском мире за более чем тысячелетний период, с VII по XVIII века, на огромной территории от Индии до Испании.

К сожалению, автор смог завершить только первый том запланированной работы. Рукописи, графики, рисунки, фотографии, карты, эскизы, аннотации, информационные панели (всего семь больших ящиков), собранные из самых разных источников, результаты десятилетних неутомимых поисков ныне хранятся в знаменитом архиве «Freer gallery of Art and Arthur M. Sakler gallery Archives» в Вашингтоне. После смерти Мехмета Ага-Оглу никто не изъявил желания продолжить его исследования.

Впервые о вопросах, которые охватывал каждый из двенадцати томов, их основной сюжетной линии, о масштабах исследования, можно сказать, научной саге о художественной обработке металлов в мусульманских странах автор рассказал в статье «Memorandum of the «Corpus of Islamic Metalwork», опубликованной в 1951 году в журнале «Ars Islamica». В многоплановом исследовании планировалось изучение художественной обработки металлов в тесной связи с другими отраслями декоративного искусства Ближнего Востока в географических, исторических, социальных, экономических, технологических, терминологических, эпических, иконографических, стилистических аспектах. В этих трудах намечалось дать терминологический словарь арабского, персидского и турецкого языков, связанный с историей, характером и технологией металлообработки в исламских странах в средние века. С этой целью автор собрал множество материалов, в основном в виде черновых записей из латинских, греческих, китайских, уйгурских, арабских, персидских и турецких источников.

Все эти источники, сознательно или несознательно, оставались вне внимания европейских ученых, а точнее, евроцентристов, и изучение развития общечеловеческой цивилизации происходило без учета исламской истории и культуры, богатое материальное и духовное наследие мусульманских народов было исключено из общемировой истории. Мехмет Ага-Оглу в своей фундаментальной работе «Corpus of Islamic Metalwork» хотел исправить эту историческую несправедливость.

По его мнению, основной концепцией «Corpus of Islamic Metalwork» являлся переход от общих точек зрения (знаний) к подробным научным исследованиям в конкретных областях. В подготовленном предисловии к первому тому автор писал: «Настало время после почти столетних предварительных исследований подготовить студентов к переходу от общих знаний к конкретному изучению различных специфических областей исламского искусства». Основываясь на принципиальном подходе, ученый решил обратиться к одному из широко распространенных видов многовекового искусства в исламском мире – художественной работе по металлу, подавая тем самым пример и другим исследователям.

Учитывая, что до сих пор в этой области не было научной литературы и серьезных специфических исследований, Мехмет Ага-Оглу решил посвятить первый том, состоящий из двух книг, описанию всех доступных источников. Здесь важное место было уделено доисламским источникам, рассказывающим о металлообработке и изделиях из металла.



Автор намерен был посвятить II-XI тома непосредственно изделиям из металла, сделанным в мусульманских странах в разные периоды в различных географических регионах и во время правления различных династий.

Каждый том должен был представить широкий спектр исторических эссе, библиографий, словарей и иллюстраций – многочисленные фотографии, эстампы и схемы. Согласно хронологической последовательности, тома должны были выйти под следующими названиями: «Работы по металлу в Иране эпохи Сасанидов», «Ранние тюркские изделия из металла», «Ранние мусульманские изделия из металла», «Иранские, анатолийские, трансйорданские и сирийские изделия из металла», «Изделия из металла в Сирии и Египте эпохи Мамлюков и в Йемене в эпоху Расулидов», «Изделия из металла в Золотом Роге» (*Византийская империя – В.Г.*), «Изделия из металла в Иране в эпоху правления Эльханидов, Тимуридов и Сефевидов», «Турецкие изделия из металла XIII-XVII веков, «Изделия из металла в странах Магриба, мусульманской Испании и мусульманской Сицилии», «Изделия из металла в мусульманской Индии». К гигантскому проекту были подготовлены написанные мелким почерком на сотнях страниц цитаты, заметки и ссылки из разных источников на разных языках. Некоторые из них были сгруппированы по теме. По масштабу сделанные Ага-Оглу в одиночку работы можно сравнить с деятельностью целой группы ученых или научно-исследовательского института.

Последний, XII том, назывался «Системный каталог работ по металлу во все исторические периоды во всех мусульманских странах». В этом томе предполагалось дать информацию о выдающихся мусульманских ремесленниках, поднявших металлообработку и работу по металлу на уровень декоративного искусства. Что касается предмета исследования, то в центре интереса ученого стояло все: от металлообработки и изготовления тяжелого артиллерийского вооружения до доспехов, от замков до ювелирных изделий, художественное мастерство и оригинальность которых говорили о принадлежности их к мусульманской культуре.

Автор в качестве примеров намерен был привести богатые исламские артефакты, хранящиеся в 63 государственных музеях, 36 личных коллекциях, 12 религиозных институтах в Европе и на Ближнем Востоке, в разных уголках земного шара. З. Симави, чье исследование часто цитировалось здесь, справедливо отмечает, что *«Сборник исламских работ по металлу» представляет собой поразительную амбициозную научную инициативу и с точки зрения стиля, и с исторической и географической точек зрения, а также по широте охватываемых вопросов. Интересно, что до сих пор никто не предпринимал никаких попыток произвести подобное масштабное, систематическое и систематизированное исследование. Если бы работа была завершена, это могло бы стать грандиозным вкладом в изучение исламского искусства».*

Однако, как ни прискорбно, Мехмет Ага-Оглу не смог завершить эту, самую важную в своем научном творчестве, работу.

О последних двух годах жизни нашего соотечественника мы можем почерпнуть отрывочные сведения из переписки Джорджа Хьюитта Майерса, основателя Вашингтонского Музея текстиля, и Алана Джона Уэйса, профессора Университета им. короля Фарука I в Александрии в Египте. Майерс пригласил его работать в возглавляемый им музей в Вашингтоне в качестве эксперта по коврам и для составления каталогов для выставок. Через десять лет после ухода из университета и музея Мехмет Ага-Оглу принял сделанное предложение и переехал в столицу.

В своем письме от 1 февраля 1948 года он писал Майерсу, что с большой радостью возвращается в мир музея. Первой задачей в Музее текстиля для него стала подготовка каталога богатой коллекции ковров, а в дальнейшем организация выставки ковров с изображением драконов. Автор ценной исследовательской работы по искусству ковро ткачества эпохи Сефевидов с большим энтузиазмом взялся за работу.

Выставка «Ковры с изображением драконов» («Dragan carpet group»), организованная на основе экспонатов публичных и частных коллекций США, состоялась в Вашингтоне 18 октября 1948 года и имела большой успех. Это было возвращением Мехмета Ага-Оглу к музейной работе после одиннадцатилетнего перерыва, притом триумфальным возвращением! Другим примечательным аспектом является то, что это была первая специфическая выставка ковров, организованная ученым-музееведом в частном порядке. Более того, ему было поручено подготовить обширный каталог с комментариями к выставке.

По соглашению, достигнутому с Джорджем Майерсом, работа ученого в Вашингтонском Музее текстиля была временной и носила испытательный характер. После успешной организации первой выставки на него была возложена работа по составлению каталогов экспонатов музея. Проведение выставки в данном случае не было обязательным условием. Готовые каталоги можно было бы использовать и в будущем. Это была серьезная и ответственная работа. Профессионально подготовленный каталог – визитная карточка музея и залог его будущего успеха.

Вторая половина 1940 годов была особым периодом для Америки. После победы, одержанной в войне, в стране было много планов на будущее. Америка постепенно превращалась в сверхдержаву не только в экономическом, военном или политическом аспектах. Наука и культура также занимали ведущее место в жизни страны. В этих условиях Мехмет Ага-Оглу имел все возможности оказывать большое влияние в своей области. Но безвременная смерть разрушила его большие творческие планы и не позволила реализовать их.

В начале 1949 года ученый получил предложение от профессора Алана Джона Уэйса, начальника отдела изобразительных искусств Университета им. короля Фарука I в Александрии (Египет). Его пригласили прочитать курс лекций по исламскому искусству и археологии в следующем учебном году. Мехмет Ага-Оглу, еще не знавший о своей страшной тяжелой болезни – раке, – с благодарностью принял это предложение. После двадцати лет жизни в Америке Восток, исламский мир притягивали его как магнит. Он хотел сменить образ жизни, хотел быть ближе к Востоку, к своим истокам. Поэтому он старался до лета завершить каталог «Ковры с изображением драконов», который обещал своему другу и коллеге Майерсу, и уехать в Александрию, где в центре античной культуры для него открывались широкие возможности для проведения исследований.

Мехмет Ага-Оглу ушел из жизни 4 июля 1949 года, за месяц до своего 54-летия, не выполнив большую часть своих планов. Главную работу своей жизни – многотомное издание «Сборник мусульманских работ по металлу», над которым он работал более десяти лет, – также завершить не удалось.

Но богатая научная деятельность, проведенные им исследования подняли нашего соотечественника в далекой Америке на вершину славы, и он навсегда вписал свое имя в историю мировой науки. В Соединенных Штатах профессор Мехмет Ага-Оглу считается пионером в изучении и исследовании исламского искусства как на теоретико-академическом уровне, так и в прикладно-музейной области.

Профессор Адель Коулин Вейбель (1880-1963), принявшая эстафету от Мехмета Ага-Оглу в Детройтском музее изобразительных искусств, опубликовала в журнале «*Arts Islamic*» трогательный некролог. В этом некрологе профессор описала азербайджанского ученого как личность, «перед очарованием человеческих качеств и научными занятиями которого устоять было невозможно». Подготовка первой библиографии работ Мехмета Ага-Оглу, опубликованных на страницах научных журналов в разных странах мира, также является заслугой профессора Вейбель. Библиография включает в себя две книги, три выставочных каталога и 44 научные статьи. Все статьи были посвящены выдающимся событиям и личностям в искусстве и культуре исламского мира, включая Азербайджан.

Хотелось бы привлечь внимание к еще одному любопытному факту: Вейбель среди произведений Мехмета Ага-Оглу называет и «Историю турецкого искусства», вышедшую на турецком языке в 1928 году в Стамбуле. Действительно ли существует такая книга? Сам Мехмет Ага-Оглу никогда не говорил о том, что был автором работы на его втором родном – турецком языке. Известный специалист в области турецкой археологии Скотт Редфорд в опубликованном в 2004 году исследовании «Islamic Archaeology in the Early Years of the Turkish Republic» («Исламская археология в раннем периоде Турецкой Республики») внес некоторую ясность в этот запутанный вопрос, предположив, что проект такой книги действительно существовал и некоторые его части в виде самостоятельных статей публиковались во второй половине 1920-х годов, однако автор не довел эту работу до уровня монографического исследования.

Наверное, каждого, кто знакомится с краткой биографией Мехмета Ага-Оглу, прежде всего интересуют его связи с исторической родиной, друзья, близкие и родные ученого, а также взаимоотношения с коллегами из Турции и эмигрантскими кругами из Азербайджана. Несомненно, для Мехмета Ага-Оглу была важна его национальная идентичность, и до конца своей жизни он не отказывался от нее. То есть всегда называл себя «тюрком из Иревана». Правда, трудно говорить о его активном участии в политической борьбе азербайджанской эмиграции за независимость Азербайджана. Но в то же время было бы неверно констатировать, что он полностью отошел от борьбы, от национальных интересов. Например, существуют факты об активном участии молодого Мехмета Ага-Оглу в работе турецко-азербайджанского союза молодежи при иностранном Бюро партии «Мусават» во второй половине 1920-х годов. Поддерживал ли он связь с бывшими соратниками – политическими и государственными деятелями Азербайджанской Демократической Республики после переезда в Америку? Интересовался ли жизнью оставленной вдалеке родины? Переписывался ли с родственниками из Баку? Был ли в курсе событий, происходящих в Азербайджане? Разумеется, на все эти вопросы можно ответить только после досконального изучения личного архива Мехмета Ага-Оглу, а прежде всего его эпистолярного наследия, хранящегося в Вашингтонской «Freer gallery of Art» и ожидающего своего исследователя.

\* \* \*

Трудно представить, чтобы в 30-х годах прошлого века численность азербайджанцев, проживавших в далекой Америке, была значительной. Еще труднее представить, чтобы кто-то из наших соотечественников достиг таких высот, каких достиг Мехмет Ага-Оглу, стал профессором университета, заслужил славу в мировой науке. Но как бы странно это ни звучало, в это же самое время в США, в Мичиганском университете работал еще один наш соотечественник, вернее соотечественница, которая была не менее знаменитой, чем Мехмет Ага-Оглу. Она тоже была признанным специалистом в области искусства, по керамике Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Большую часть своей жизни она прошла рядом с Мехметом Ага-Оглу. Самое интересное, что и ее фамилия была Ага-Оглу.



Речь идет о выдающемся ученом-искусствоведе, первой жене Мехмет-бека, азербайджанке, профессоре Гамер Ага-Оглу (1903-1984).

Разговор о Гамер-ханым, нашей выдающейся соотечественнице, о которой до сих пор не знают на ее родине, но известной в США как первая женщина-профессор, искусствовед и музейный хранитель, надлежит начать издавека.

Выше я говорил, что в Музее Независимости и в Комиссии по сбору документов и материалов по колониальной политике России в Азербайджане Мехмет Ага-Оглу работал вместе с начальником правового отдела Парламента АДР, общественным деятелем, поэтом, ярким представителем национальной интеллигенции, большим патриотом своей Родины Гусейн-беком Мирзаджамаловым (1878-1974). Несмотря на разницу в возрасте, общая заинтересованность и цели сблизили их, между ними возникли дружеские отношения. Через некоторое время эта искренняя дружба переросла и в родственные отношения. После оккупации Азербайджана большевиками Гусейн-бек покинул родину. Как и сотни эмигрировавших, он нашел прибежище в Турции. И приехал он туда не один. С ним приехала его сестра Хейранса с четырьмя дочерьми и сыном. Муж Хейрансы Талыбхан-бек Талыбханбеков (1859-1920), будучи представителем династии гарабахских ханов, и во времена царской России, и в период независимой Азербайджанской Республики служил приставом и начальником уезда в различных регионах страны. Поэтому он был в числе первых, кого большевики брали на прицел.

Гусейн-бек Мирзаджамалов, известный в Турции как Гусейн Джамал Янар, и называемый представителями первой волны эмиграции любовно «Азери дайы» (т.е. «дядя из Азербайджана»), сыграл важную роль в воспитании своих племянников. Так как у него не было своей семьи и детей, он сосредоточил все свое внимание и заботу на своих младших родственниках. Он сделал все, чтобы они получили хорошее образование и нашли свое место в жизни. К счастью, труды его не пропали даром. Три его племянницы, Сурейя, Гамер и Дильшад, вписали свои имена в историю науки и культуры.

Старшая из девушек – Сурейя Талыбханбейли (1899-1974) – окончила факультет языка и литературы Стамбульского университета. Она вышла замуж за политического эмигранта Мустафу Векилова (1896-1965), занимавшего пост министра внутренних дел в последнем – пятом – правительстве АДР. (Об этом говорилось в следственном деле Медины-ханым Гиясбейли-Векиловой, в 1937 году арестованной и расстрелянной как член партии «Мусават». Медина-ханым была двоюродной сестрой М.Векилова и до 1930 года поддерживала с ним связь). Затем они развелись. После окончания университета Сурейя-ханым, до конца жизни сохранившая свою девичью фамилию, решила посвятить себя науке и стала заниматься вопросами сравнительной диалектологии (сравнивала гарабахский диалект родного азербайджанского языка со стамбульским диалектом анатолийского турецкого языка). На увлечение языкознанием, особенно диалектологией, скорее всего оказали влияние и рекомендации ее соотечественника доцента Стамбульского университета, выдающегося тюрколога Ахмеда Джафароглу. В 1930-х годах она активно сотрудничала с журналом «Azərbaycan Yurd Bilgisi», издателем и редактором которого был Ахмед-бек. В четырех номерах журнала (1933, № 1, с.23-31, № 2, стр. 65-71, № 3, стр.212-219, № 4, стр. 273-277) Сурейя Талыбханбейли опубликовала цикл статей «Сравнение гарабахского и стамбульского диалектов с точки зрения грамматики». Статьи написаны на основе магистерской диссертации, которую она готовила после окончания университета. Перу Сурейи Талыбханбейли принадлежат также несколько исследований по фольклору.

Известный исследователь профессор Адалет Таирзаде пишет, что Сурейя-ханым вышла замуж за азербайджанца, профессора-физика Мохаммеда Гарабаглы и переехала в Америку, где и прожила до конца своей жизни («Azərbaycan müəllimi», 30 марта 2012 года). Однако воспоминания современников и биографические документы свидетельствуют о том, что Сурейя-ханым после развода вторично вышла замуж за анатолийского

турка Бекира Одоглу. В этом браке у них родились дети Беррин, Мурад, Джан, Тарик. Сурейя-ханым, уже под фамилией Одоглу, всю свою жизнь прожила в Стамбуле и работала педагогом турецкого языка и литературы в стамбульских лицеях. Следует отметить, что Адалет Таирзаде в своих исследованиях перепутал историю жизни Сурейи-ханым с судьбой ее сестры Гамер-ханым, речь о которой пойдет ниже.

О второй сестре – профессоре, одном из первых специалистов в области ядерной физики в Турции, Дильшад Талыбхан Эльбрус (1915-1979), в азербайджанской прессе опубликовано несколько статей примерно одинакового содержания. Поэтому не вижу необходимости повторяться. Хотелось бы только добавить, что Дильшад-ханым отличалась особой преданностью идеалам АДР, учась и в женском лицее, и в годы студенчества в университете, активно участвовала в многочисленных мероприятиях, проводимых азербайджанскими политическими эмигрантами, в которых принимал участие также и М.Э. Расулзаде. На протяжении десятилетий она хранила в памяти отдельные образцы литературных произведений, созданных в период АДР, в частности патриотические стихотворения двоюродной сестры М.Э.Расулзаде, супруги Гусейна Садыга (Садыгзаде) Уммигюльсум Расулзаде.

А прожившая далеко от Азербайджана и Турции и вышедшая замуж за профессора была средняя сестра Гамер-ханым Талыбханбейли (Ага-Оглу). Гамер-ханым родилась в Шуше 15 октября 1903 года. Информация о годах ее жизни в Азербайджане скудна. Можно лишь с уверенностью сказать, что среднее образование она получила в Баку в женской гимназии.

Скорее всего, она встретила с Мехметом Ага-Оглу, который в то время еще был известен как Мохаммед Агаев, в Баку, а через некоторое время в годы эмиграции в Турции они поженились. И можно предполагать, что она уже в 1922 году вместе с мужем отправилась в Западную Европу для обучения в Германии и Австрии. В университетах Берлина, Йены и Вены она прослушала курс известных специалистов по восточному искусству и изучила иностранные языки. Их единственная дочь Гюльтекин Ага-Оглу родилась в Германии в 1923 году.

Защитив в 1927 году в Стамбульском университете магистерскую диссертацию по истории Востока, Гамер-ханым начала работать в музее Топкапы. Два года спустя она со своим мужем Мехметом Ага-Оглу, который принял предложение на работу в Детройтском институте изобразительных искусств, переехала в Америку.

Интересно, что, несмотря на быструю адаптацию к американскому образу жизни, чета Ага-Оглу никогда не забывала своей национальной идентичности. Напротив, своими научными трудами и повседневной жизнью они старались еще больше подчеркнуть свою национальную принадлежность.

Квартира семейной пары Ага-Оглу в Мичигане была местом, где регулярно собиралась еще небольшая в 1930-х годах в Соединенных Штатах турецкая община и студенческая молодежь. В связи с этим привлекают внимание письма будущего лидера Турецкой рабочей партии Бехидже Боран (1910-1987), которая в то время изучала социологию в Мичиганском университете. Как становится ясно из писем, она была вхожа в дом Ага-Оглу и в период студенчества поддерживала с ними тесные связи.

Следующие строки из писем дают понять, что дом Ага-Оглу, возможно, один из многочисленных домов в Мичигане, в которых проживает тюркская семья, имел тюркский дух, тюркскую ауру, а также атмосферу искренности и доброты и поэтому быстро превратился в культурный и духовный очаг для своих соплеменников.

«...А еще тут живет Мехмет Ага-Оглу-бек. Сейчас он уехал в Иран. В следующем месяце должен вернуться. Его жена и дочь десяти-двенадцати лет находятся здесь. На днях мы посетили его жену. Очень приятная, доброжелательная и умная женщина» (*Из письма Бехидже Боран своей сестре Нафисе Урал от 16 ноября 1934г.*)

«Пока здесь находился Рагиб Нуреддин-бек, мы посетили Мехмета Ага-Оглу, который преподает историю исламского искусства. Рагиб-бек сел за фортепиано и сыграл «Новый Туран». Он играл, а я пела. Вспомнили старые времена. У Мехмет-бека много пластинок *alaturka* (в турецком стиле – В.Г.). Проигрываем их на граммофоне, думаем и мечтаем о родине» (Из письма сестре от 19 мая 1935г.); или: «Жена Мехмета Ага-Оглу-бека Гамер-ханым в следующем месяце тоже едет в Стамбул. Послезавтра (в пятницу) она пригласила всех турецких студентов на чай» (Из письма матери 22 октября 1936г.).

Почти в каждом письме Бехидже Боран упоминается имена четы Ага-Оглу, говорится об их доброте, о любви к Турции и туркам.

В 1937-1938 годах Гамер Ага-Оглу закончила в Мичиганском университете курс *postgraduate* – в современном понятии аспирантуру – и получила степень доктора наук по истории искусства Востока. Затем по приглашению Музея антропологии при университете работала ассистентом, вела научно-исследовательскую работу. Последующие годы ее жизни были тесно связаны с этим музеем и Мичиганским университетом, где она прошла все этапы своей научной карьеры.

В годы второй мировой войны она была отозвана из музея и привлечена к образовательной программе армии США. Накануне открытия второго фронта она давала уроки русского языка американским офицерам.

Сразу после окончания войны – в 1945 году – Гамер Ага-Оглу вновь вернулась в университет и продолжила работу ассистента-хранителя Восточного отделения (Азиатская коллекция) Антропологического музея. В 1951 году стала помощником хранителя, в 1956-1974 годах – хранителем. Кстати, до недавнего времени Гамер Ага-Оглу была единственной женщиной-хранителем в истории музейного дела США.

Дополнительная информация о биографии и научной карьере Гамер-ханым такова: в 1949-1962 годах она была преподавателем факультета антропологии Мичиганского университета, с 1962 года работала на том же факультете, а с 1964 года – и на кафедре Истории искусств. Последние десять лет – до 1974 года, до выхода в пенсию – она была профессором истории искусства.

Гамер-ханым – международно признанный авторитетный исследователь и эксперт по керамике Юго-Восточной Азии. В 1944-1974 годах она проводила исследовательскую работу, изучая экспонаты в музеях Северной Америки, Европы и Азии. Является автором книг «The William collection of East Asian ceramics», «The William collection of Far Eastern ceramics. Tonnancour section», «Ying Ch`ing porselen found in Filippin», «Ming blu and white jars in the University of Micigan collection», ряда статей и выставочных каталогов, которые по мнению специалистов являются значимым вкладом в изучение искусства Азии и Дальнего Востока. Она была участницей многих международных конференций по культуре керамики, во многих случаях выступала в качестве докладчика или модератора. При участии и организации Гамер-ханым проходили многочисленные выставки восточного искусства в кампусе Мичиганского университета (Анн-Арбор) и в местном Музее истории природы.

Гамер Ага-Оглу как археолог не участвовала в полевых экспедициях и раскопках. Тем не менее, не было второго такого специалиста по изучению и художественной классификации обнаруженных в археологических экспедициях в Юго-Восточной Азии предметов и изделий, и в первую очередь керамики, на уровне профессора Гамер Ага-Оглу.

Карло Синополи, профессор Мичиганского университета, который много лет работал плечом к плечу под руководством с нашей соотечественницей, писал о своей коллеге: «Я всегда удивлялся способности Гамер видеть на несколько шагов вперед. В умении увидеть, понять и оценить все тонкости азиатской керамики, безусловно, она опередила свое время. Ее научные труды до сих пор сохраняют дух времени, в котором они созданы. Многие места в ее рукописях в нашей коллекции дают возможность нам видеть будущее, и нам, естественно, следует продолжать учиться у нее».

Прошедшие десятилетия не стерли имя такого общепризнанного специалиста, как Гамер Ага-Оглу, из памяти американских экспертов, специализирующихся на азиатском искусстве. Спустя 33 года после ее смерти, в июне 2017 года, Карло Синополи, назначенный хранителем в Музей Азии при Мичиганском университете, сказал: «Я горжусь тем, что буду работать на должности, на которой когда-то трудилась Гамер Ога-Оглу, необыкновенный ученый, специалист в азиатской керамике».

Мехмет и Гамер Ага-Оглу были выдающимися учеными в своих областях, но формулу счастья в повседневной жизни они не нашли. Эта, возможно, единственная в Соединенных Штатах интеллигентная азербайджанская семья, к концу второй мировой войны распалась. Начиная с этого времени в документах Мехмета Ага-Оглу в графе «супруга» значилась не Гамер-ханым, а Дороти Пейс Ага-Оглу (1910-1963). Именно Дороти после смерти мужа передала его архив в галерею «Freer gallery». Чтобы устранить недочеты, которые могли возникнуть в материалах, Гамер-ханым в 1959 году также передала все оставшиеся у нее документы и рукописи Ага-Оглу в «Freer gallery».

Более 30 лет проработав в Мичиганском университете, профессор Гамер Ага-Оглу в 1974 году вышла на пенсию. Однако до самой своей смерти в августе 1984 года она поддерживала связь с учеными-коллегами антропологами. Университет и руководство находящегося в его ведении музея время от времени обращались к опыту и знаниям известного профессора и приглашали ее в качестве консультанта. Богатая научная библиотека и все архивы согласно ее завещанию в 1985 году были переданы ее дочерью Гюльтекин А.Лудден на факультет антропологии Мичиганского университета. Несомненно, знакомство с документами и материалами этого архива могло бы помочь найти ответы на ряд вопросов о жизни и научном творчестве Гамер-ханым и семьи Ага-Оглу.

Их дочь, Гюльтекин Ага-Оглу, которую семья и друзья называли ласково Гилли/Гюллю, пошла по стопам родителей и выбрала себе профессию искусствоведа. Она стала известным экспертом по монументальным памятникам. Гюльтекин вышла замуж за профессора, заведующего кафедрой истории искусств университета штата Огайо Франклина Луддена (1921-2001). Задав поиск через Интернет, я узнал, что 95-летняя Гюльтекин Лудден сейчас живет в городе Колумбусе штата Огайо. Несмотря на то, что я несколько раз звонил ей по телефону, на номер, взятый из знаменитого американского сайта в [whiterpages.com](http://whiterpages.com), трубку никто не взял. Я направил письмо в наше посольство в Вашингтоне с просьбой разыскать последнего представителя азербайджанской семьи, оставившей яркий след в изучении в США истории искусства мусульманского Востока.

Увы! Ответа не последовало и скорее всего не будет.

Возможно, Гюльтекин Лудден, родившаяся в Германии и всю свою сознательную жизнь прожившая в Америке, никогда не слышала об АДР.

Однако ее родители, приехавшие из Азербайджана и «завоевавшие» Америку, раскрывшие миру интеллектуальный потенциал и творческое воображение нашего народа, оставившие заметный след в мире науки, несомненно, должны считаться представителями культурного и научного наследия именно Азербайджанской Демократической Республики...

**Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ**